
Владислав БАЧИНИН

ТЕОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ЗЛА

(Несентиментальное путешествие
из Петербурга на Уралмаш)¹

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

Андрей Белый. Родина

Реликтовый заповедник сталинской цивилизации

Летом 2016-го получил с Урала приглашение выступить в октябре в Екатеринбурге. Тематический тур, посвященный 499-летию европейской Реформации, предполагал четыре выступления в разных аудиториях, в том числе два в университете.

И вот я полетел. Решил, что обязательно схожу на Уралмаш, где родился, с которым расстался в двенадцатилетнем возрасте и где не был тысячу лет. Надеялся окунуться в детство. Но сентиментальная надежда сразу же разбилась вдребезги. Попал я в совершенно другой мир, где увидел лишь руины былого, сиротливо торчащие, уродливые останки того, что когда-то было родным, но теперь выглядело совершенно чужим. В реликтовом заповеднике сталинской цивилизации я почувствовал себя сталкером Андрея Тарковского, забредшим в зону тотальной антропологической катастрофы. Сумрачные картины того, что оказалось искорежено не столько временем, сколько людьми, породили в душе почти кладбищенскую печаль.

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии).

¹ Стихи, сопровождающие авторский текст, принадлежат поэтам Геннадию Шпаликову и Игорю Холину.

Оказалось, что ровесники, тогдашние ребята с нашего двора на улице Бакинских Комиссаров, будущие уралмашевские хулиганы, с которыми я в нашем общем первом детстве играл в чижика и лапту, почти все поумирали от водки, а не от простуд.

Услышав об этом, вспомнил, что когда я чуть не ежедневно «тащился нехотя, улиткой» через весь Уралмаш с большой, тяжелой нотной папкой в музыкальную школу, они тем временем уже начали попивать и входить во вкус. Однажды первوماйским утром, перед демонстрацией мы, пять-шесть пацанов-малолеток, зашли в какой-то сарай во дворе, и там я впервые узнал вкус портвейна и ощутил его головокружительную силу, от которой ослабли и подкосились ноги.

То был незамысловатый мир, в котором жизнь взрослых разворачивалась по неумудренному сценарию не слишком веселого, грубо устроенного гульбища:

Пили. Ели. Курили.
Пели. Плясали. Орали.
Сорокин лез целоваться к Оле.
Сахаров уснул на стуле.
Сидорова облевали.

Потом я уехал, шли годы, сменяли друг друга университет, аспирантура, докторантура и прочее, а они продолжали пить, плясать, блевать, отбывать сроки, возвращаться и регулярно справлять похороны. И вот уже почти никого нет. Осталось пепелище с проглядывающими знаками распада и сиротливой духовной бесприютности. Руины пропащей жизни, пронизываемые ледяным сквозняком небытия.

Неужто прав был поэт, когда предупреждал:

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата:
Душу не мутит.

А не то рвану по следу —
Кто меня вернет? —
И на валенках уеду
В тот далекий год.

В том далеком угадаю,
Там, где — Боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

Когда моему отцу было сорок восемь, он тоже рванул на малую родину. Поехал на Уралмаш, где его ждали:

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор.
18 квартир.
На стене лозунг:
МИРУ МИР!
Во дворе Иванов
Морит клопов,
Он бухгалтер Гознака.
У Романовых пьянка,
У Барановых драка.

Возвратившись из поездки, отец тяжело запил. В один из ясных июньских дней, когда я, ничего не подозревая, сдавал в Ленинградском университете свою третью летнюю сессию, он вогнал себе в сердце острую, длинную, тонкую стамеску. Увы, Бог его не спас, потому что отец не был с Ним лично знаком. Он не знал Христа, Бога живого, и не подозревал, что Спаситель совсем рядом, что стоит только открыть глаза, сердце, душу, как увидишь Его, а увидев, не сможешь отвернуться и уже не погибнешь. Но отец, фронтовик, артиллерист-орденоносец, не убитый ни подо Ржевом, ни в Берлине, погиб страшно и бессмысленно у себя дома.

Сатанинский, мизантропический режим отгородил его от Бога стеной нарочито привитой духовной слепоты и глухоты, лишил способности к духовному сопротивлению. Будучи беззащитен, он был репрессирован дьяволом посреди внешнего благополучия и достатка, в непосредственной близости от книжных шкафов, заполненных подписными изданиями классиков, выходившими в те годы и старательно им собираемыми. Классическая литература оказалась ненадежной защитой от инферальной тьмы.

Внутри отца физически крепкий плотский человек сосуществовал в дружном согласии с жизнерадостным душевным человеком. Но внутренний духовный человек в этот союз не входил. А из-за его отсутствия отец оказался в духовном отношении слаб, как младенец, и потому не смог вырваться из-под власти духа зла, схоронившегося в его уралмашевской идентичности. Тот, приняв вид черной меланхолии, убийственной депрессии, не отпустил, притянул, сломил волю, сдавил горло и в конце концов добился своего: украл, убил и погубил его жизнь и душу.

Это было давно, в XX веке, а когда пришел XXI век, то и я рванул в манящее прошлое, в недостижимое детство, туда, «где мама молодая и отец живой».

Но и моя душа тоже наткнулась на что-то жесткое, безжалостное, нечеловеческое. Поранилась, почувствовала боль, но не ослабела, не сникла, не сдалась, потому что не была такой сиротливо одинокой и беззащитной, как у отца. Иисус Христос находился рядом, и моя жизнь принадлежала не духу зла, а Спасителю. Я пребывал в Его стане христианских воинов, под Его водительством, командованием и попечением.

Эстетика депрессивности, угашающая дух

Что же это за странная и дикая реальность, где большинство людей не имеют духовного убежища и живут как духовные сироты и бродяги, беззащитные перед

властью тьмы и силой зла? Что это за мир, где целая страна — сиротствующая безотцовщина, по-хамски дерзко бросившая вызов Богу, пренебрегшая Им, ушедшая от Него в блуд и разбой, в преступное странствие, из которого неизвестно когда вернется и вернется ли вообще? Впавшая в забубенное состояние беспробудного дурмана, пропившая все свое физическое и духовное здоровье, промотавшая Отцовское наследство, она вместо того, чтобы каяться и выбираться из зоны проклятия, по сей день валяется в своем свинстве, бравирует своей духовной опустошенностью и продолжает кичиться своим окаянством.

Меня встретили знакомые, но постаревшие и подурневшие уралмашевские улицы, носящие все те же имена сталинских сатрапов. Мой двор, посреди которого когда-то была большая клумба с пряно пахнущими цветами и вьющимися над ними пчелами, где стояли тенистые деревья и размещался деревянный столик для любителей домино, был уничтожен. Он превратился в абсолютно голое, полностью закатанное в асфальт, совершенно мертвое пространство. На нем сгрудились в беспорядке с десятком неказистых авто и грязных, ржавых фургонов. Но меня поразило не это, а то, что я прошел мимо своего дома, не узнав его. Лишь выйдя к следующему дому, я все понял и остолбенел.

Моя первая школа была обезображена по всему фасаду множеством проплешин из-за облупившейся штукатурки. Она выглядела столь неестественно некрасивой, что не пробудила во мне тех привычных теплых чувств, которые я обычно испытывал, вспоминая о ней.

В центре старого Уралмаша по-прежнему стояли довольно внушительные по размерам, двухэтажные, деревянные, черные, полусгнившие дома. Еще в годы моего детства, когда я плелся мимо них на уроки музыки, они казались мне пришельцами из времен сказов Бажова. Но в них до сих пор живут люди.

Метро, соединившее Уралмаш со всем остальным городом, поразило сумрачностью своей цветовой эстетики. Там господствовали все оттенки серого и черного. Чья злая, человеконенавистническая воля перенесла сюда заводской дизайн машиностроительных цехов и учредила это подземное царство нарочито нескончаемых сумерек?

Безрадостное впечатление усугублял запах подземелий, столь же тяжелый, как и цвет. Пока мне не объяснили, что, возможно, так пахнут пропитанные отнюдь не духами рельсовые шпалы, меня не покидало ощущение, будто где-то в невидимой близости разложены гигантские скопления грязных, промасленных рабочих спецовок, тех самых, которые заводчане времен моего детства периодически приносили домой и отдавали женам для стирки.

Тотальный тяжелый запах проникал внутрь гораздо глубже обонятельного уровня, неотразимо действовал на подсознание и пытался настроить душу на депрессивную волну, навязать ей тягостное ощущение метафизической безысходности.

На главной улице старого Уралмаша бросилось в глаза зрелище удивительно частого, ритмически навязчивого чередования винных магазинов с аптеками. Те и другие оказались представлены в таком непропорционально большом количестве, какого я нигде никогда не видывал. Судя по всему, так работает дьявольская логика устроивших это прибыльное водочно-аптечное изобилие бизнесменов-едросов, больших мастеров по одомашниванию зла. Их гигантские плакатные физиономии с топорными, почти оруэлловскими афоризмами, трактующими распад как расцвет, торчат на самых видных местах. И все это, вместе взятое, несет в себе ударный информационный посыл: мол, мы вначале споим вас, дорогие уралмашевцы, до полной потери здоровья, а потом дадим вам возможность из последних сил и средств удерживать лекарствами еще теплящиеся в вас крохи вашей пропитой жизни. И существ-

вание ваше, пребывающее во власти демонов самоуничтожения, будет не скучным, наполненным до краев не слишком высоким, но зато вполне внятным смыслом тщетной борьбы со смертью.

Проклятие негативной уралмашевской идентичности

Если б дело было только в Уралмаше... Увы, у нас вся страна была и остается одним большим, сплошным духовным Уралмашем. Это пространство, где абсолютное большинство людей никогда не жили и по сей день не желают жить по Божиим законам. Для них дьявольские соблазны сильнее Божьих повелений, привлекательнее евангельских ценностей. «Это оттого, что народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют» (Иер. 4, 22).

Шагая пешком от Эльмаша до площади Первой Пятилетки, вынужден был некоторое время созерцать большую вертикальную стелу Уралмашзавода. При разглядывании помещенных на ней огромных изображений десятка советских орденов, которыми завод был награжден за годы своей истории, невольно подумалось о том, как сталинская цивилизация сумела препарировать сознание нескольких поколений уралмашевцев и превратить для них завод в доминирующий экзистенциал, в средоточие всех жизненных смыслов. Мало кто догадывался об истинной сути этого экзистенциала, который прокладывал всем им прямую дорогу в ад:

Врата Ада
Металлургического завода
Там
В цехах
В печах
Зреет металл
Автоматы
Куют вал
Создают машину
Махину
Таран
Невиданного размера
Он
Может
Одним ударом
Уничтожить
Марс
Юпитер
Венеру
Вот плод идей
Миллионов людей.

Уралмаш как один из генераторов и средоточий коллективного травматического опыта — весьма подходящая площадка для разработок по социологии зла в его советских и постсоветских, массовых и частных модификациях.

Этот безжалостный Голиаф, всегда хвалившийся своей нечеловеческой мощью, легко лишал экзистенциальной безопасности и духовного здоровья людей, пристегнутых к нему режимным существованием. Он успешно оставлял их без защиты, без иммунитета против воздействий демонического. Именно оно, запрятанное внутри бесчисленных модификаций богопротивной государственности и богоотрицающей повседневности, открывало экзистенциальный доступ к небытию, культивировало метафизическое тяготение к злу, распаду и смерти, превращало это убийственное летение в сердцевину уралмашевской идентичности.

Ныне уралмашевский заводской монстр, медленно погибающий у всех на глазах, продолжает из последних сил нести сталинскую вахту и тянуть в тьму преисподней длинные вереницы человеческих душ. Его суть осталась прежней, изменились лишь орудия воздействия: вместо советских плах и дубин, кнутов и пряников, стимулировавших политизированный трудовой энтузиазм, сегодня повсеместно действуют постсоветские распылители всепроникающей депрессивности.

Уралмаш всегда был образцово-показательным производителем не только военной техники, но и травматического опыта. И по сей день он остается трагической территорией, не покрываемой Божьими благословениями, где очевидны следы действия сатанинского геноцида, где по-прежнему велики полномочия inferнального шефа преисподней.

На территории уралмашевского филиала советско-постсоветского рукотворного ада множество людей успевают еще при жизни получить вполне осязаемое воздаяние. Они обреченно отбывают здесь пожизненное заключение, влача безблагодатное земное существование, трагическое в его богооставленной, мрачной опустошенности и жалкое в его духовном ничтожестве.

Худое государственное дерево не может приносить добрые плоды. Под сенью этого анчара, сочащегося ядом богоненавистничества, дьявол успешно манипулирует бесчисленными «винтиками», лишенными духовного зрения, не умеющими отличать правое от неправого, доброе от злого. Он подсовывает им, не обладающим волей к духовному сопротивлению, проклятия вместо благословений, ложное вместо истинного, брэнное вместо вечного, смерть вместо жизни. И они принимают.

Истинная духовная история Уралмаша совсем не похожа на официальную версию его внешней истории, сочиненную советскими присяжными писарчуками. В действительности это история яростной борьбы дьявола с Богом, летопись тщательно организованной духовной катастрофы, история сатанинского геноцида, протокол процесса духовного разоружения и уничтожения всего того, что имело способность к малейшему духовному сопротивлению злу.

Но по сей день существуют те, кто продолжает упорно игнорировать эту горькую правду, кто огражден от нее своим поврежденным умом и приобретенной исторической подслеповатостью. Тактика игнора позволяет им существовать в оборонительном состоянии успокоительного безразличия к злу. Не склонные к рефлексии, они не желают воспринимать уралмашевскую реальность сквозь призму понятий духовной травматологии. Им и невдомек, что далеко не всем из тех, кого дьявол заманировал уралмашевской идентичностью, удастся спастись от гибели. Они либо не догадываются, либо не хотят думать, что эта проржавевшая мина, сосредоточившая в себе убийную силу зла, проклятия и смерти, способна погубить еще немало жизней, что она и сегодня существует в состоянии полной боевой готовности унести во тьму преисподней души всех тех, кто не покается и не призовет имя Господа.

Дюжина ножей в спину Уралмаша?

Мои краткие заметки — это не дюжина ножей в спину Уралмаша, не въедливая и злорадная критика малой родины. Сын не может злорадствовать, вглядываясь в черты лица своей постаревшей матери и замечая произошедшие перемены. Испытываемые им чувства имеют иную природу — природу сердечной боли и глубокой печали из-за беспощадной работы времени и невозможности что-либо поправить. Единственное, что может ослабить остроту подобных переживаний, — это знание того, что есть дорогие тебе люди, которые спасены и не погибли, потому что Господь с ними.

Уралмашевская идентичность являет собой тот сорт «негативной идентичности», обладание которой чревато роковыми последствиями, а расставание с которой — целительно. Но *душевному человеку*, живущему внутри нас, невозможно расстаться с ней путем каких-то внешних, физических усилий, например, посредством пространственных, географических перемещений за пределы Уралмаша. Она, как онегинская хандра, будет следовать за ним. Единственный способ ее изживания — это взращивание в себе *духовного человека*. Только он, знающий живого Бога, окрепший, возмужавший, готовый взять в свои руки бразды правления нашей внешней и внутренней жизнью, способен нейтрализовать «негативную идентичность», вынуть из нее детонатор, лишить ее разрушительной власти над нами.

Духовный, внутренний человек, ставший нашей сущностью, уполномочен Богом разделаться с тем злым предрассудком, согласно которому экзистенциальный груз травматического опыта — это несчастье, которое всегда с тобой. Духу Божьему, вступившему в завет с нашим духом, дано все необходимое, чтобы нейтрализовать деструктивную силу этого груза, сколь бы объемным и тяжелым тот ни был. Иисус Христос готов заменить нам грех на благодать, смерть на жизнь, проклятие на спасение. Он готов аннулировать нашу уралмашевскую идентичность, ставшую пропуском в преисподнюю, и выдать нам совершенно новый документ — удостоверение в нашей евангельской идентичности, служащее пропуском в вечную жизнь.

Каждый, в ком утвердился сильный и мужественный духовный человек, знающий живого Бога и ответственно несущий в себе христианскую, евангельскую идентичность, вполне может безбоязненно оставаться жить в любом месте, будь то даже самая мрачная духовная резервация, самое жуткое духовное гетто. При этом он будет защищен от воздействий местных негативных идентичностей, от сосредоточенного в них зла. Иисус Христос, Которому он доверился, возьмет на Себя роль защитника и заблокирует угашающие дух воздействия как советской отрицательной наследственности, так и постсоветской растлевающей депрессивности.

И еще одно соображение.

Дефект многолетнего отсутствия автора в описываемом месте, сменившийся эффектом личного присутствия, обнаружил отнюдь не радостный разрыв между «было» и «стало», между временами «отцов» и «детей». Открытие заставило автора застыть перед метафизическим провалом с потерявшимися в нем и уже почти неразличимыми обрывками практически всех значимых причинно-следственных связей.

Вместе с тем немногие эмпирические факты и сверхэмпирические реалии, оказавшиеся доступными созерцанию и умозрению, обнаружили способность почти беспрепятственно порождать крупные обобщения не столько социально-исторического, сколько экзистенциального характера. В них только что приобретенные впечатления соединились с авторским христианским опытом, и в результате возникла картина целого каскада катастроф, вполне логично вписывающихся в христианскую картину мира, лежащего во зле.

Эти катастрофы вложены друг в друга по типу то ли «матрешек», то ли частей телескопической трубы. Внутри глобальной катастрофы, которую переживает богопротивная и потому бесславно пропадающая «цивилизация смерти», пребывает локальная катастрофа коллективной уралмашевской души, несущей в себе груз неотрефлексированного и нераскаянного советского и постсоветского травматического опыта. А внутри нее, в свою очередь, просматривается необозримая россыпь личных экзистенциальных катастроф, унесших и продолжающих уносить в небытие жизни и души обладателей уралмашевских и им подобных близлежащих уральских идентичностей: режевских, асбестовских, алапаевских, первоуральских, билимбаевских и прочих. Искореженные злым духом, отмеченные клеймом проклятия, обреченные на бесславную погибель, они не подозревают о наличии реальной возможности спасения, о том, что Господь может прийти на помощь и обменять безнадежно пропадающую, смертоносную человеческую идентичность на идентичность спасительную, евангельскую, Божью. Однако следует помнить, что Господь Бог — истинный джентльмен и чаще всего старается по возможности не вмешиваться без приглашения в чью-либо судьбу. Потому лучше всего, если инициатива станет исходить от нас и заинтересованность будет иметь обоюдный характер. Через духовное пространство, образуемое двумя интересами, Божьим и нашим, и будет пролегать путь к свободе от всех видов негативных идентичностей, сквернящих нашу жизнь и корежащих наши судьбы.

Полагаю, что нарисованная картина может показаться излишне субъективной только *душевному человеку* с его либо незрелым и поверхностным, либо поврежденным и предвзятым умом, не подозревающим о существовании права духовного человека судить обо всем. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем» (1 Кор. 2, 14-15). Душевному человеку, вероятно, трудно будет понять и то, что бывают времена и обстоятельства, когда чье-то право «судить обо всем» превращается в долг. И тогда заканчивается время молчать и наступает время говорить о сокровенном как общезначимом и об общезначимом как о сокровенном.